

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**Устарела ли история
по Ключевскому?****“Круглый стол”**

В основу материала положено обсуждение темы на “круглом столе”, проведенном фондом “Либеральная миссия”. Затрагивались вопросы: помогает ли наследие В. Ключевского понять советское и постсоветское общество? За какое невежество история “проучила” русское общество в XX в.? возможно ли “самоисправление”? каково должно быть преподавание истории, чтобы научить политический класс мыслить? И др. В обсуждении приняли участие А. Кара-Мурза, О. Жукова, М. Афанасьев, Е. Ясин, И. Клямкин, А. Оболонский, С. Секиринский, А. Каменский, О. Будницкий и др.

Ключевые слова: Ключевский, история, философия истории, зависимость от предшествующего развития, историческая преемственность, популяризация истории

The material is based on “a round table” discussion, organized by fund “Liberal mission”. Questions for discussion: does V. Kljuchevsky help to understand the Soviet and Post-Soviet society? For what ignorance the history taught “a good lesson” the Russian society in XX century? Is “self-correction” possible? Leading Russian scholars A. Kara-Murza, O. Zhukov, M. Afanasev, E. Yasin, I. Kljamkin, A. Obolonsky, S. Sekirinsky, A. Kamensky, O. Budnitsky and others participated in the discussion.

Keywords: Kljuchevsky, history, history philosophy, path dependence, historical continuity, history popularization.

Прошлый год был ознаменован двумя датами, связанными с жизнью Василия Осиповича Ключевского, – 170-летием со дня его рождения и 100-летием со дня смерти. Памяти выдающегося русского историка и значению его наследия в формировании современного исторического сознания было посвящено одно из заседаний Фонда “Либеральная миссия”. На обсуждение были вынесены вопросы: помогает ли Ключевский понять советское и постсоветское общество? за какое невежество история проучила русское общество в XX в.? как с помощью западноевропейского ума научиться жить своим умом? утратило ли современное российское общество средства к “самоисправлению”? в каком объеме нужно преподавать историю, чтобы научить политический класс мыслить? В обсуждении, которое вел вице-президент Фонда “Либеральная миссия” **Игорь Моисеевич КЛЯМКИН**, приняли участие основные докладчики **Алексей Алексевич КАРА-МУРЗА** (заведующий отделом Института философии РАН), **Ольга Анатольевна ЖУКОВА** (профессор Московского государственного педагогического университета), **Михаил Николаевич АФАНАСЬЕВ** (директор по стратегиям и аналитике группы компаний “Никколо М”), а также **Александр Валентинович ОБОЛОНСКИЙ** (профессор Национального исследовательского университета–Высшей школы экономики – НИУ–ВШЭ), **Сергей Сергеевич СЕКИРИНСКИЙ** (ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН), **Аркадий Исаакович ЛИПКИН** (профессор Российского государственного гуманитарного университета), **Александр**

Борисович КАМЕНСКИЙ (декан факультета истории НИУ–ВШЭ), **Алла Григорьевна ГЛИНЧИКОВА** (доцент Московского государственного лингвистического университета), **Олег Витальевич БУДНИЦКИЙ** (ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН), **Евгений Григорьевич ЯСИН** (президент Фонда “Либеральная миссия”, научный руководитель НИУ–ВШЭ) и др. Наиболее интересные аспекты обсуждения обобщены **Натальей Михайловной ПЛИСКЕВИЧ** (зам. главного редактора журнала “Общественные науки и современность”).

И. Клямкин: Сегодня, обсуждая значение взглядов В. Ключевского, мы имеем возможность сконцентрироваться на традициях исторического познания, заложенных старыми русскими историками. Насколько их наследие полезно нам для понимания досоветской истории, которую они изучали, и что можно взять у них для понимания истории советской и постсоветской, которой они не знали? С Ключевского же целесообразно начать хотя бы потому, что у большинства современных историков к нему утвердилось скептическое отношение: ссылаться на него стало среди них чуть ли не дурным тоном. Вот и попробуем разобраться, насколько устарела история “по Ключевскому”, в чем ее устарелость, если таковая имеет место. Равно как разобраться и в том, почему у неисториков Ключевский по-прежнему вызывает гораздо больший интерес, чем труды многих современных авторов.

Первым я предоставлю слово Алексею Алексеичу Кара-Мурзе. После него выступят два содокладчика – Ольга Анатольевна Жукова и Михаил Николаевич Афанасьев.

А. Кара-Мурза: Я решил ограничиться сегодня лишь одним из уроков Ключевского. Но он, на мой взгляд, способен задать тон нашей дискуссии. Этот урок я бы сформулировал так: *нравственный, духовный переворот всегда предшествует перевороту политическому*. Конечно, Василий Осипович был далеко не первым, кто сформулировал данный тезис, но именно он придал ему статус главного обоснования цельной концепции российской истории, причем истории не только государственной, но и общественной, национально-гражданской. Этот урок я для начала коротко проиллюстрирую на примере анализа им самим двух фрагментов русской истории. Это, во-первых, период возвышения Москвы и обретения страной национальной независимости, то есть выход из “смутного времени” в XIV–XV вв.; во-вторых, вход в “русскую смуту” в начале XVII в. Думаю, проблематика русской смуты, сегодня весьма актуальна. В обоих случаях Ключевский показывает, как изменения в сфере сознания предполагают затем разворачивание целой цепочки социальных и политических изменений, как духовно-нравственное возрождение ведет к возрождению политическому. И наоборот: духовно-нравственное оскудение неизбежно чревато политическим погромом. Помните, знаменитую фразу: “Разруха не в клозетах, а в головах” М. Булгакова. Профессор Преображенский, судя по всему, был идейным учеником профессора Ключевского. Добавлю: равным образом, и преодоление разрухи начинается в головах. И я тоже (вслед за Ключевским, Булгаковым и Преображенским) смеюсь, когда какие-то “новые баритоны” кричат: “Долой разруху!”.

Напомню, что анализ Ключевского, касающийся обретения Русью национальной независимости, начинается с фиксации трех на первый взгляд малозначительных и разрозненных фактов начала 1340-х гг. Первый: из московского монастыря вызван был на церковно-административное поприще скрывавшийся 40-летний инок Алексей, будущий митрополит московский. Второй: тогда же один 20-летний пустынный (будущий преподобный Сергий) в лесу, в районе будущей Лавры, построил маленькую деревянную келью-церковь. И третий: в Устюге родился будущий святой пермской земли святитель Стефан. Только потом выяснится, говорит Ключевский, что “ни одного из этих имен нельзя произнести, не вспомнив двух остальных”. И продолжает: “Эта троица созвездием блещет в нашем XIV веке, делая его зарей политического возрождения русской земли”.

А далее Ключевский подробно и виртуозно описывает картину того, как начинает отзываться в обществе этот, казалось бы, очень слабый духовный импульс. Алексей,

Сергий, Стефан поначалу повлияли на немногих. Таких людей была капля в море, пишет Ключевский, но ведь «и в тесте нужно немного вещества, вызывающего брожение. Нравственное влияние действует не механически, а органически, на это указал сам Христос, сказав: “Царство Божие похоже на закваску”». Результат – постепенное, но неуклонное усиление чувства нравственной бодрости и духовной крепости, которые со временем приносят и свои политические плоды. Это, так сказать, пример позитивный: нравственная сосредоточенность и духовное подвижничество дают импульс к национальной и государственной консолидации.

Пример прямо противоположный – погружение России в смуту в начале XVII в. Формальная причина здесь – пресечение династии, но “подкладка” смуты чисто метафизическая. Сейчас мы бы назвали этот процесс процессом “идейной делегитимизации власти”. И действительно, прологом смуты стала последовательная смена на русском троне фигур, несущих, по выражению Василия Осиповича – какую-то “душевную червоточину”. Федор Иоаннович – блаженный, юродивый на троне (некоторые говорили просто: дурак или безумец), постоянно виновато улыбающийся и бегающий по церквам трезвонить. И это стало для общества зримым проявлением деградации традиционной власти.

Сменивший Федора Борис Годунов, с чисто управленческой точки зрения, полагает Ключевский, был вполне “эффективным управленцем”. Его беда (и, соответственно, беда страны) была в другом: “Борис принадлежал к числу тех злосчастных людей, которые и привлекали к себе, и отталкивали от себя: привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чуждыми недостатками сердца и совести. Он умел вызывать удивление и признательность, но никому не внушал доверия, его всегда подозревали в двуличии и коварстве, считали на все способным”. Именно поэтому в версию убийства царевича Дмитрия Годуновым поверили сразу очень многие. В результате, по Ключевскому, и “замутились умы у русских людей, и пошла смута”. Годунов – земский избранник превратился в “малодушного полицейского труса, он показал, что всех боится, как вор, ежеминутно опаасающийся быть пойманным”. И так далее, цепочку этих рассуждений можно продолжать и в отношении Василия Шуйского, и самозванцев, и других персонажей Смутного времени.

Итак: любому политическому перевороту предшествует переворот нравственный. Верность этого тезиса, проявившаяся в XIV и XVII вв., подтвердилась в России и в начале XX в. Сам Ключевский, особенно после поражения в русско-японской войне и Кровавого воскресенья, успел констатировать неизбежность психологической дискредитации правящего режима. “Алексей царствовать не будет”, – повторил Ключевский публично в 1905 г. свою более раннюю дневниковую догадку.

Именно этот феномен конвертации негативных духовных процессов в социально-политические стал предметом исследования и блестящей когорты историсоффов Серебряного века. Их историсофия являлась в двух разных ведах, иногда остро конфликтующих между собой (вспомним дискуссию между “Вехами” и оппонировавшими им кадетскими “Антивехами”). Тем не менее можно настаивать на том, что эти потоки представляли собой разные направления среди методологических последователей Ключевского.

Первый поток (назовем его религиозно-философским) был представлен авторами веховского направления – С. Булгаковым, Н. Бердяевым, С. Франком, П. Струве и др. В центре их внимания именно “тема Ключевского”: исследование метаморфоз русского сознания, религиозных метафизических оснований политики. Вспомним такие принципиальные работы, как “Карл Маркс как религиозный тип” Булгакова, “Душа России” Бердяева или коллективные сборники “Вехи” и “Из глубины”. Но прямыми последователями Ключевского были и их оппоненты, которых я бы отнес к кадетско-позитивистскому лагерю. Напомню, что выдающиеся историки-кадеты, лидеры конституционно-демократической партии П. Милюков, А. Кизеветтер, А. Корнилов были непосредственными учениками Василия Осиповича. Могут утверждать также, что лучшее из созданного в русской эмигрантской историсофии, будь то “Мысли о

России” Ф. Степуна, “Судьба и грехи России” Г. Федотова, рассуждения о соотношении “России и Свободы” В. Вейдле, – это тоже прямое развитие “темы Ключевского”. Посмотрите хотя бы относительно раннюю работу Федотова “Революция идет” 1926 г., сделавшую его знаменитым в эмиграции. В ней прямо применяется принцип, использованный Ключевским в анализе истоков русской смуты. Можно сказать, что это вообще демонстративно ученическая статья выдающегося ученика. Федотов “копировал” методологию Ключевского подобно тому, как К. Брюллов набивал руку, копируя Микеланджело в Ватикане.

А как обстоит дело с методологией Ключевского применительно к последним событиям в России, под коими я имею в виду антикоммунистическую революцию и весь постсоветский период? Нельзя отрицать: у нас наметилась прекрасная школа экономико-детерминистского анализа последних лет существования коммунистического режима и его краха. Блестящим примером такого анализа я бы назвал “Гибель империи” Е. Гайдара. Но это не отменяет другого факта: отсутствия в литературе фундаментальных гуманитарных текстов, основанных на упомянутом выше уроке Ключевского. “Гибель империи – 2” пока не создана. Притом, что и среди работ наших современников есть блестящие образцы исследований того типа, о котором я говорю, но они не имеют отношения к новейшей нашей истории.

Вспомним хотя бы знаменитый в свое время сборник 1988 г. “Иного не дано”, в котором доминирует, скорее, именно духовно-психологическая тематика. Однако основной корпус составили здесь статьи, которые, выражаясь словами известной оппозиции Бердяева, представляли собой все-таки не “философскую истину”, а концентрированную “интеллигентскую правду”. Кстати, сама постановка вопроса: “Иного не дано” (я говорил и писал об этом сразу после выхода книжки) – абсолютно бесплодна в методологическом смысле. Точно так же, как другое популярное выражение эпохи антикоммунистической революции: “Так жить нельзя”. Это могли формулировать люди, скорее всего, не читавшие Ключевского либо не усвоившие его главных уроков. Жить можно очень по-разному, и “иное” – всегда.

Но принципиально новое, устойчивое “иное” – всегда результат позитивных изменений нравственного состояния общества. Были ли такие серьезные подвижки, вызвавшие, помимо экономических причин, обвал коммунистического социума? Думаю, были, но они почти не исследованы. Вопрос, который сейчас разъединяет политические лагеря: перестройка и антикоммунистическая революция – результат модернизации или деградации общественной нравственности и политического сознания? Чем была перестройка – демократической революцией или “катастрофой”, как назвал ее А. Зиновьев? А что было в 1990-х гг.? Мы начинали тогда выходить из смуты к национальному возрождению или, напротив, окончательно погрузились в смуту? Вопросы совсем не риторические. Кстати, мой двоюродный брат десятки книг написал о том, что горбачевская перестройка и ельцинские реформы – как раз результат деградации, деморализации, иногда инспирированной извне, результат демонтажа народа, сопряженный с беспрецедентной манипуляцией сознанием. Я понимаю, что большинство из присутствующих с такой позицией не согласны, но серьезных текстов на эту тему у нас почти нет.

Между тем еще Степун – прямой, на мой взгляд, ученик Ключевского и человек, в чьем либерализме сомневаться не приходится, беспорный наш союзник – неоднократно писал в эмиграции, что выход из коммунизма будет вовсе не благодетным, а очень и очень тяжким. Хуже большевизма будут развалины большевизма – вот пророчество Степуна. Он предчувствовал, что у позитивного (а не просто разрушительного) выхода из коммунизма в России будет слишком мало духовно-нравственных предпосылок. И он, к сожалению, оказался прав.

Я думаю, что победа над большевизмом стала возможна в результате сложения действий по крайней мере двух духовных авторитетов: я имею в виду А. Солженицына и А. Сахарова. Их работа по делегитимации коммунизма беспрецедентна. К сожалению, при равно антикоммунистических жизненных позициях картины мира у них были не

только разными, но и конфликтующими, что не могло не наложить негативный отпечаток на наше духовное, а потом и политическое развитие. Это показала, например, последующая полемика таких фигур, к которым по отдельности можно относиться с симпатией, как Н. Эйдельман и В. Астафьев – западника-либерала и демократа-почвенника.

Помните их нашуевшую переписку 1986 г., потом неоднократно перепечатанную? Это, конечно, была уже деградация спора западников и самобытников, обусловившая постепенную деморализацию антикоммунистического лагеря. И такое выхолащивание антикоммунистического пафоса при запаздывании роста демократического сознания и привели к свертыванию реформ, к политическому антидемократизму. Политическому погрому предшествовал идейный антидемократический погром, который не закончился, на мой взгляд, и по сей день, и это именно он продолжает создавать почву для авторитарных действий.

Возможен ли новый подъем демократических и либеральных тенденций в России? Если следовать урокам Ключевского, то ответ будет: “Да, возможен”. Более того, этот подъем просто неизбежен, если сначала пойдет новый этап демократизации и либерализации сознания. Кстати, Ключевский прекрасно показал, какими бывают и фальстарты либерализации и гражданской консолидации на примере лидера первого народного ополчения периода Смуты, выдающегося гражданина Прокопия Ляпунова. Он обрек себя на поражение, так как в глазах многих очень тесно ассоциировался с временными, но погубившими его репутацию союзниками. Выступая за “земскую Россию”, он, однако, не погнушался союзом ни с Болотниковым, ни с Шуйским. Эти компромиссы и привели его к нравственной самодискредитации.

Мой вывод, который я выношу на нашу дискуссию, таков: то, что произошло в России, и то, что происходит сейчас, – очередные подтверждения действительности уроков Ключевского. Но заключить свое выступление я все же хочу на оптимистической ноте, и приведу слова О. Мандельштама о Ключевском, о том, что означает его имя в переживании русских трагедий. Мандельштам – блестяще образованный гуманист, знал, о чем пишет: “Ключевский – добрый гений, домашний дух-покровитель русской культуры, с которым не страшны никакие бедствия, никакие испытания”.

О. Жукова: Продолжая линию рассуждений Алексея Алексеевича, я хочу начать с вопроса, который Игорем Моисеевичем был уже затронут, – об актуальности наследия Ключевского. Ситуация тут выглядит, на мой взгляд, достаточно парадоксально. Поскольку утверждение о том, что Ключевский – классик, абсолютно верно, его наследие должно постоянно актуализироваться. Но если посмотреть на реальную востребованность его текстов и реальный интерес к той проблематике, которую он затрагивает в своих трудах, то круг читателей оказывается очень узким. И это притом, что сегодня отсутствуют и грамотная дескрипция, и уж, тем более, какой-то выверенный ценностно-нормативный взгляд на отечественную историю. Ключевский же как раз и создал подобный глубоко продуманный исторический нарратив, и потому было бы продуктивно обратиться к его выверенному взгляду. Тем более, что политическая идентичность Ключевского с точки зрения либеральной наклонности не может быть подвергнута сомнению.

Вспомним слова Федотова, что, как минимум, два поколения русского образованного общества (та культурная среда, в которой воспитывались классики русского либерализма) воспринимала историю в духе Ключевского или, как сказал Федотов, “мы знали историю так, как она привиделась Ключевскому”. Нас, конечно, может интересовать не архивирование наследия Василия Осиповича, потому что прошлое ради прошлого – сугубо исследовательский интерес. Но если прошлое воспринимать как часть живого опыта современного человека, то Ключевский может способствовать историческому самопознанию нации. Тогда его труды и его вопросы, заданные будущим поколениям, становятся тем бродильным элементом и стимулом рефлексии, которой сегодня так не хватает. И в первую очередь, основой здесь являются сюжеты, вокруг

которых Ключевский выстроил социально-политическую историю России. В чем же идеи и концепты Ключевского аутентичны современности?

Вы, разумеется, обратили внимание на те вопросы, которые вынесены сегодня на обсуждение. А ведь это, в основном, афористика Ключевского. Готовя сегодняшнее собрание, мы ее просто “переформатировали”, обратили к будущему. И если от этого отталкиваться, то тематизировать, говоря философским языком, наследие Ключевского мы можем с помощью одного вопроса: “Есть ли либеральные перспективы у российского государства и общества, которое, как правило, во всех своих поворотах и цивилизационных выборах почему-то склоняется к консервативному варианту, консервативной тенденции?”. И эту консервативную тенденцию Ключевский очень ясно выделил, оценил и попытался, помня о ней, найти средства к самоисправлению общества. Как же и где же искал он эти средства?

Прежде всего он пытался определить главное противоречие русской истории. Оно, по Ключевскому, заключается в том, что образованный русский ум напитался запасом нравственных и политических идей европейского культурного мира, заимствовал их, но свои идеи при этом не выработал. Сложилась очень сложная комбинация двух феноменов – наличной духовной и политической традиции и того запаса передовых идей, которые могли бы составить основу эволюционного развития русского общества, русского мира. И Ключевский показал самое главное противоречие русской истории как проблему отношения русского ума к русской действительности. То, что он назвал в своих знаменитых лекциях “двойным процессом в русском уме”: с одной стороны, есть критическое отношение к исторически сложившейся действительности, основанное на заимствованных идеях, с другой – критическое отношение к самим этим заимствованным идеям.

Вот то противоречие, та неорганичная двойственность, которую фиксирует и которую пытается преодолеть Ключевский. При этом он как бы предостерегает настоящих и будущих творцов российской истории, что в расчищенную, оголенную от культурных пластов почву сеять нельзя, а нужно продолжать работу по *приспособлению* нравственного и социального порядка национального бытия к передовому запасу тех самых политических европейских идей. Кстати, сам Василий Осипович видел себя звеном в этом процессе и говорил, что пореформенное общество, и прежде всего люди, включившиеся в работу по самоисправлению этого общества, данные вопросы ставили, но решали их достаточно плохо. Таким выводом завершается его курс русской истории – оценкой исторического вклада и своего поколения, и собственного труда. Если мы сегодня будем читать историю “по Ключевскому”, то он поможет нам подобрать инструменты для адекватного понимания не только дня прошлого, но и дня сегодняшнего, в частности такого важнейшего вопроса, как культурно-политическая идентичность. В этом случае мы увидим, что по-прежнему существует раскол русского ума и русского мира, раскол российской политической нации в отсутствие базовых ценностных оснований и, соответственно, ценностного консенсуса общества.

Говоря о Ключевском, нельзя обойти тот факт, что он, будучи великим учеником великого учителя, отошел от государственнической идеологии С. Соловьева в исторической науке и на первый план поставил интересы человеческой личности и людского сообщества. Он рассуждал в категориях модерна, то есть в категориях национального государства и национальной культуры. Однако в таком случае, не устарела ли история по Ключевскому уже потому, что она возвращает нас к лексике национального и универсального, к тому философскому вопросу, который возник в эпоху романтизма? Нет, не устарела, потому что сам вопрос этот в России до сих пор не решен. Ключевскому удалось показать, что предрасположенность русской истории к консервативному варианту развития имеет место по причине особых отношений между разумом и верой. А истоки этой проблемы тоже восходят к эпохе романтизма, а она, как и во времена Василия Осиповича, все еще остается для России проблемой.

Ключевский, вспоминая значение религиозной школы в своем образовании, вынужден был признать, что она его не столько учила, сколько поучала. Не переставая

быть человеком христианской культуры, он выступил как критик ритуализированного, обытовленного православия. Пожалуй, мало у кого еще найдем мы такие резкие оценки духовенства, о котором он говорит, что оно учило “не познавать и любить Бога, а бояться чертей”.

Тем не менее культурная идентичность Ключевского – это идентичность человека русского мира и христианской традиции. Поэтому как ученый он вынужден признавать двойственную роль православной церкви в созидании социального и культурного порядка. С одной стороны, позитивную роль ее духовно-нравственных идеалов, а с другой – роль негативную, которая проявлялась в консервации не лучших сторон жизни, легитимируя, в том числе, и закрепощение человека. Как может быть снято это противоречие? Ответ Ключевского: оно не может быть снято в отсутствие рефлексии и рационализации смыслов. Василий Осипович неоднократно указывает на данную проблему, в частности когда разбирает сюжеты, связанные с русским религиозным расколом. Он говорит о сложившейся в России латинобоязни и неуважении к разуму – особенно к его присутствию в ведомстве веры.

По Ключевскому, пренебрежительное отношение к разуму и стало одной из причин, не позволившей эволюционно развиваться русскому обществу. Какое может быть историческое творчество нации, когда в школьных прописях прямо говорится, что братия должна не “высокоумствовать”, а сторониться “эллинских борзостей” и “риторских астрономов”, с мудрыми философами рядом не сидеть, бежать от философии, дабы учиться книгам Священного закона, думая о том, как спасти свою грешную душу от грехов. Этот запоминающийся пример из “Курса русской истории” свидетельствует о драматическом расхождении опыта разума и веры в отсутствие школы мысли – той мысли, которая запускает механизм самопознания и рефлексии над своим собственным культурным преданием.

Соответственно, получилось так, что любая линия развития, любой модернизационный проект в отечественной истории был связан с разрывом и с расколом по отношению к прежней традиции. Например, проект Петра I, который отнесся к старине как к мятежу. Ключевский реконструирует эту логическую связку: старина – это раскол, раскол – это мятеж, значит, старина – это мятеж. Как можно отнестись к своей базовой культурной традиции как к мятежу? Ведь это – национальная трагедия. И тем не менее при таких обстоятельствах любое преодоление косности становится радикальным отказом от прежней системы ценностей. Таким образом, невыученным уроком Ключевского, согласно его видению истории, оказывается постоянный раскол нации, находящейся между радикализмом и охранительством. А проблему, которую ставит автор курса русской истории, на мой взгляд, можно определить как проблему *синтезирования европейских идей русским умом в рамках исторически усвоенной духовной традиции.*

Сегодня критический ум Ключевского нам очень нужен. И если понимать и интерпретировать его наследие в проблемном поле сегодняшнего дня, то опыт либерализации России, осуществления в ней либерального проекта будет успешным, если почвой для подобного проекта окажутся ценности национальной культуры.

М. Афанасьев: “Помогает ли Ключевский понять советское и постсоветское общество?” Конечно, читать Ключевского нужно, чтобы знать и чувствовать русскую историю, без чего нельзя понять и советское, и постсоветское общество. Однако не стоит думать, что у него можно найти исчерпывающие объяснения советскому строю и постсоветскому неустройству. Я вообще думаю, что советский и постсоветский социумы не являются воспроизводимым инвариантом русской истории, как бы его там ни называли: “государственным крепостничеством”, “авторитаризмом” или как-то еще. Во всяком случае, о подобной социально-исторической “системе-матрице”, про которую у нас часто толкуют, Ключевский ничего не говорил.

Концепцию русской истории по Ключевскому можно, пожалуй, свести к двум генеральным тезисам. Первый: относительная слабость сословий и, соответственно, относительная сила государственной власти в конце XV – первой половине XVI в., то

есть в то время, когда складывалась русская разновидность европейского абсолютизма, что привело к закреплению сословий. А дальше, с XVIII в. – и это второй тезис – начался обратный процесс раскрепощения сословий, или, по слову самого Ключевского, “возвращение к совместному историческому действию русского народа”.

На этом пути Ключевский выделял и солидаризовался с позицией “людей меры и порядка”, как он их называл, поясняя, что таким людям равно чужды и стремление учинить хаос ради устроения нового порядка, и готовность пожертвовать ради старообрядного правоверия самой верой. Кстати, такими словами он охарактеризовал Екатерину Великую. При этом в отличие от легиона “прогрессистов”, всегда готовых заболтать модернизацию, Ключевский ясно указывал две простые цели и два простых критерия действительной модернизации. Это “общее благо” (благосостояние народа) и “политическое общежитие”, обеспечивающее достижение такого общего блага.

Следует напомнить, что Ключевский диагностировал не только слабость русских сословий-классов перед государевой властью, но и, что не менее важно, их вражду друг с другом. То есть социальный антагонизм не только вертикальный, но и горизонтальный. Он говорил о “тройственном антагонизме” применительно к ситуации середины XIX в., когда готовилась и проводилась Великая реформа. Тогда в русском антагонизме сошлись правительство, дворянство и крестьянство, а потом, через 20–30 лет, в круг антагонистов вошли буржуазия и рабочий класс.

Итак, социальный антагонизм и всеобщее недоверие – вот диагностированный Василием Осиповичем механизм заглубляющегося системного кризиса русского общества. Отсюда следует генеральный вывод: “малость”, “худость” социального опыта мирного межсословного взаимодействия – это главная социально-историческая проблема России, как видел ее Ключевский. Соответственно, накопление опыта широкого социального, “межсословного” взаимодействия являлось (и до сих пор остается) главной социально-исторической задачей, стоящей перед Россией. Здесь, как видим, получается порочный круг или то, что Д. Норт назвал плохой “институциональной колеей”. Как же преодолеть и возможно ли преодолеть этот фундаментальный социальный недостаток? Можно ли из такого вот круга национальной истории выйти в спираль устойчивого развития?

По Ключевскому, выйти можно и нужно. Выход он связывал с пробуждающей и развивающей национальные силы деятельностью просвещенного правительства. В этом он усматривал особенность исторической ситуации в России и “окольного пути русского”. В своем очерке о Екатерине он говорит, что в “Европе низы диктуют правительству, а в России правительство пробуждает низы и втягивает их в совместную работу”. Говорит, прошу заметить, без всякого сарказма, о пробуждении народа на зов правительства. Правительственное устроение социального мира, замирение социальных антагонизмов, понуждение к социальному компромиссу, учреждение правил и механизмов политического общежития – это, по сути дела, не что иное, как программа *развивающего государства* или, выражаясь языком современной социальной науки, “государства развития”.

Таким образом, если говорить об уроках Ключевского, то я вывожу из его трудов следующую историко-социологическую триаду. **Первый** пункт – европейский генезис русской истории. Ключевский, конечно, любил подчеркивать русскую самобытность, но он описывал ее в рамках европейской истории и посредством европейских концепций. Из исходного пункта национальной истории следует национальная сверхзадача – русское возрождение, понимаемое как русско-европейский ренессанс. **Второй** историко-социологический урок касается необходимости для успеха национального развития России крепкого и авторитетного государства развития, или, в терминологии Ключевского, деятельного, просвещенного правительства. **Третий** урок носит методологический характер и состоит в преобразовательском почвенничестве или почвенническом реформизме, за который ратовал и которого придерживался историк-просветитель-публицист Ключевский. Это такой реформизм, который не обесценива-

ет и разбазаривает, а наоборот, сберегает и преумножает социальный капитал нации и местных сообществ.

Это и сегодня вполне актуальная программа. Увы, для решения национальной сверхзадачи в России обычно как раз не хватало деятельного, просвещенного правительства и преобразовательного почвенничества. Да и сам Василий Осипович без излишнего оптимизма смотрел на готовность к созидательному взаимодействию русских радикалов и консерваторов, верхов и низов России. В очерке, посвященном 50-летию со дня смерти Т. Грановского (а оно совпало с революционной ситуацией октября 1905 г.), Ключевский писал о трагической судьбе независимых русских общественных деятелей – таких, как Т. Грановский, С. Соловьев, К. Кавелин, Б. Чичерин (к ним он явно относил и себя). Это те самые “люди меры и порядка”, и все они, как отмечал Ключевский, уходили из жизни с печатью трагедии на лице. В октябре 1905 г., когда в России всякий, кому не лень, толковал о конституции, это было трагическое предчувствие.

И. Клямкин: Мы выслушали три содержательных сообщения. Во всех них, как мне показалось, Ключевский рассматривался не столько как историк, сколько как мыслитель, ищущий выход из прошлого в будущее, а в самом прошлом – опоры для изменения исторического маршрута России. И я бы хотел, чтобы в ходе дискуссии мы больше внимания уделили вопросу о том, что конкретно есть в русской истории “по Ключевскому”, каков позитивный капитал, позволяющий не только временно возрождаться после деградаций, но и преодолевать саму тупиковую цикличность этих деградаций и возрождений.

Михаил Николаевич говорил, что Ключевский констатировал европейское начало русской истории. Давайте это тоже обсудим, у меня здесь есть вопросы. Ольга Анатольевна ссылаясь на знаменитое высказывание Василия Осиповича, что русский ум хватается за чужое и не может соединить это чужое со своим. Но что означает такое соединение и как его осуществить? Похоже, ответ Ключевский не нашел. Когда он рассуждает о славянофилах и западниках, он не примыкает ни к тем, ни к другим, но и органически синтезировать их идеи в чем-то третьем у него не получается. И потому у меня такое впечатление, что для него вопрос о динамике русской истории оставался открытым. Да, главную развивающую и консолидирующую силу он, как напомнил нам Афанасьев, видел в правительстве, однако реального реформаторского потенциала у правительств своего времени не обнаруживал.

Так что вовсе не случайно, может быть, не стал Ключевский продолжать свой курс применительно к пореформенной России, завершив его эпохой Николая I. Показательно и то, что в начале XX в. он как-то заметил, что интеллектуально и психологически остался в веке XIX. Короче говоря, в наследии Ключевского обнаруживается, по-моему, и вопрос о том, каковы специфические особенности российской истории, каков ее модернизационный потенциал и каковы перспективы ее возможной эволюции. Подчеркиваю: вопрос, а не ответ.

А. Оболюновский: В последнее время мне часто вспоминается фраза из дневников Ключевского о том, что история ничему не учит, но она строго наказывает за невыученные уроки. И вся история нашего XX в., а также первое десятилетие XXI в. – печальное подтверждение этой максимы. Прежде всего в связи с тем, что говорил Михаил Николаевич, мне вспомнилась замечательная фраза Ключевского о екатерининской Комиссии по выработке Уложения. Когда она собралась, главным было преодолеть закоренелое общественное недоверие к правительственному призыву к содействию, ибо общество по опыту знало, что ничего из этого, кроме беспомощных распоряжений и новых тягостей, не выйдет. Думаю, эта фраза дает много материала для близких и далеких аллюзий.

Теперь о том, помогает ли Ключевский понять историю нашего XX в.? Это самый удобный момент, чтобы поговорить об отношении Ключевского к реформам Петра I. В начале своих текстов на эту тему, особенно в публичных лекциях, Ключевский говорит общие позитивные, “политически корректные” вещи: называет реформатора

великим, отмечает в нем “счастлирое сочетание талантов” и т.п. Но если мы станем внимательно читать четвертый том его курса, посвященный Петровской реформе, то увидим и другое. Мы увидим, что его дифференцированный анализ различных сторон деятельности Петра буквально камня на камне не оставляет от столь любимого нашего тезиса о замечательном Петре, до которого якобы был мрак, а с ним снизошел на Россию свет.

Напомню основные выводы Василия Осиповича. Во-первых, он констатирует сугубо инструментальное отношение Петра к Западу, который брал на Западе только средства, прежде всего технические и военные, но абсолютно дистанцировался от духа, эти средства породившего, что и проявилось в цитируемой Ключевским петровской фразе: “Европа нам нужна на несколько десятилетий, а потом мы повернемся к ней задом”. Во-вторых, он пишет о чудовищной человеческой цене петровской политики, констатируя, что в 1710 г. (к середине петровского царствования) население в России по сравнению с 1680 г. уменьшилось на четверть. В-третьих, отмечается невероятный взлет коррупции при Петре. Есть у Ключевского такая замечательная фраза: “Дьяки и подьячие XVII века брали умереннее и аккуратнее, а дело свое знали лучше, чем их европеизированные преемники, которые отличались полным бесстрашием по поводу злоупотреблений”. И еще он говорит, что именно при Петре появилось бюрократическое государство, отгородившееся от общества.

В общем, мое прочтение Ключевского и его отношения к Петру следующее: Петр был псевдомодернизатором, который лишь оседлал и повернул к худшему тенденции к модернизации, уже сложившиеся к началу его царствования. И оседлал он их лишь для того, чтобы усилить государственный деспотизм, сделать его более эффективным, но с точки зрения все тех же деспотических, античеловеческих, имперских целей. Конечно, всякая историческая аналогия условна и даже может ввести в заблуждение, однако в петровской модернизации с оговорками, но вполне определенно просматривается прототип модернизации сталинской.

Актуален ли сегодня Ключевский? Отвечу его же замечательным пассажем: “Меня часто обвиняют в том, что я в русской истории мало обращаю внимания на право. Но меня приучила к этому русская жизнь, которая веками не признавала никакого права”. И далее: “Юрист, и только юрист, ничего не поймет в русской истории, как целомудренная фельдшерица никогда не поймет целомудренного акушера”. Потому что в России при обилии законодательства всегда было очень мало собственно Права. В сущности можно сказать, что Ключевский в этом смысле был своего рода предтечей либертаризма на русской почве.

Утратило ли современное российское общество средства к “самоисправлению”? С моей точки зрения, не утратило. И я надеюсь, что эмпирическое подтверждение этой точки зрения появится в течение пяти-шести лет. Появится, вопреки очень популярной у нас идеи исторической фатальности, якобы неизменности нашей ментальности, из чего выводится, что нам ничто хорошее, в том числе западное, не подходит и у нас не привьется. Причем любопытно, что парадигма эта популярна на прямо противоположных идеологических флангах. Для либералов она имеет окраску безнадежности и одновременно служит как бы индульгенцией на пассивность. А консерваторы-охранители всех видов говорят об этом с видимым удовольствием, любят цитировать А. Пушкина: дескать, правительство – единственный европеец в России.

На самом деле, и во времена Пушкина это было далеко не так, а теперь тем более. Привожу запись В. Вернадского из его дневников (причем сделанную в 1938 г.): “Политическая верхушка в деловом и нравственном выражении хуже средней массы народа, в партии собрались подонки, воры...”. Так что А. Навальный имеет неплохих предшественников в этом плане. И последнее. Есть такой без конца повторяемый тезис, что история не имеет сослагательного наклонения. Конечно, как хроника событий она его не имеет, но как только она начинает становиться наукой, она просто обязана включать в дискурс обсуждение различных альтернатив развития. И очень хорошо, что Институт всеобщей истории РАН выпустил несколько сборников как раз об альтерна-

тивной истории. Я напомним фразу Э. Гуссерля, что переживание нереализовавшихся исторических альтернатив есть необходимый атрибут исторического сознания. А так называемый *value free approach* и прочие модные вещи хороши на уровне получения и анализа фактов. Но чаще всего этим прикрывается некая безразличность к судьбам реальных стран и людей, этакое равнодушное наблюдателя из башни из слоновой кости. У Ключевского этого никогда не было, о чем здесь справедливо говорили.

С. Секиринский: Ключевский умер 100 лет назад, но до сих пор остается самым читаемым далеко за пределами профессионального круга русским историком. Иногда даже создается впечатление, что, подобно тому, как в иные времена, согласно ироническому замечанию Василия Осиповича, “вся философия нашей истории сводилась к оценке петровской реформы”, а “весь смысл русской истории сжимался в один вопрос: о значении деятельности Петра”, так и ныне всю историографию отечественной истории сводят к “Курсу” Ключевского. Вряд ли стоит доказывать, что дело обстоит иначе. Но исключительное признание Ключевский, конечно, заслужил не напрасно.

У всякого времени – свой конек. И свои историки, которые не стоят в стороне от жизни. Поэтому, говоря о Ключевском, читаемом в наши дни, нельзя не сказать о преобладающем житейском умонастроении значительного сегмента современного научно-исторического сообщества. Это умонастроение коротко определяется формулой “тоска по быломu”, и оно сильно влияет на профессиональную деятельность тех, кто его разделяют. Так происходит и когда речь идет о сравнительно недалеком прошлом, составляющем часть собственной жизни историка, и когда он экстраполирует нажитый опыт в гораздо более отдаленные времена. Хотя кому, как не историку, знать, что “прошлое” – категория крайне изменчивая: достаточно сравнить дореволюционную Россию и Советский Союз. Любой “застой” рано или поздно теряет последних приверженцев среди современников, чутких к жизни, а “ретроспективные утопии”, возвращающие “застою” видимость обаяния, создаются уже в другие времена, одно из которых мы переживаем сейчас.

Однако сам Ключевский к такому типу историков не принадлежал. В середине XIX в. отечественная историография в лице К. Кавелина, С. Соловьева, Б. Чичерина, самоопределяясь в качестве историко-научного знания, давала и свой прогноз социально-политического развития России. При этом миф о Петре Великом как первой свободной личности в России и образцовом реформаторе оставался стержневым звеном в историческом обосновании либеральных реформ. Ключевский жил в иную эпоху. Отдавая Петру должное, историк уже не видел в нем примера для подражания, предлагая расширить сферу критического анализа русского прошлого за счет тех “приемов и привычек управления”, которые окончательно сложились при Петре, но совсем не оправдывались изменившимися условиями в конце XIX – начале XX в.

А в наши дни среди историков становится модным не столько писать о назревших в тот или иной момент преобразованиях, сколько рассуждать о способности либо неспособности общества воспринимать разрушение традиционных институтов, о несоответствии его адаптационных возможностей темпу модернизации. Все это можно было бы приветствовать, но с одной оговоркой, заимствованной у Ш.-М. Талейрана: “Не слишком усердствуйте!”. Ведь историк – не “археолог” (в старинном понимании термина), не просто “любитель древностей”, целиком погруженный в мир прошлого, хотя именно такое отношение к ремеслу входит в последнее время в моду. Историк – тот, кто способен в истории почувствовать, говоря языком людей XIX в., ее “преобразовательный дух”. Тот, кто носит в сердце, как было замечено об одном из ее немаловажных субъектов – Александре II, “инстинкт прогресса”. Блистая отсутствием этих свойств ума и души, современный историк, независимо от предмета его занятий, нередко ближе не к яркой плеяде своих предшественников и современников Великих реформ и, тем более, не к продолжившему их труд Ключевскому. Он ближе, скорее, к Н. Карамзину, который, как известно, считал, что “всякая новость в государственном порядке есть зло”.

Сегодняшние историки не похожи на Ключевского, в том числе и потому, что в его время в России к историкам было другое, чем сейчас, отношение. Летом 1893 г. в одном из императорских дворцов Петербурга состоялся примечательный разговор о воспитании августейших детей. Собеседниками были Ключевский и министр императорского двора И. Воронцов-Дашков, личный друг Александра III. Университетский профессор, призванный к исполнению новой для него роли наставника великого князя Георгия Александровича, в скором будущем – престолонаследника, тотчас же поинтересовался у министра мерой отводимой ему свободы и услышал в ответ: «Вы должны помнить, что вы – профессор и преподаете, что находите нужным. Делайте, что следует делать, а что из этого выйдет, за это вы не отвечаете... Надобно рассеять мнения и предубеждения самоуверенного невежества: “Конституция – нелепость, а республика – бестолочь”. У России общие основы жизни с Западной Европой, но есть и свои особенности. Что теперь несвоевременно, то еще нельзя назвать нелепостью...».

В этом наставлении для наставника бросается в глаза не только сам ход рассуждений, шедших вразрез с псевдорусской риторикой последних царствований, но и выраженное со всей определенностью доверие к ученому, признание самоценности его ремесла. В готовности даже неограниченной власти к самоограничению в тех случаях, когда речь заходила о разделении неполитических функций, – секрет ее уживчивости с яркими явлениями русской культуры, науки, просвещения и, соответственно, с европейским влиянием. Европейская траектория исторического движения империи и предопределила такую особенность политического мышления ряда представителей ее правящей элиты, как различие между “всегда нелепым” и “сегодня несвоевременным”. Утрата же исторической перспективы, в основе которой лежало наблюдение за уже обретенным Европой реальным опытом, открыла дорогу для ретроспективных утопий. Выход из модернизационных конфликтов стали искать в имитации диалога с патриархальным народом, “простыми людьми”, последним среди которых был Г. Распутин.

За 100 лет, прошедших после смерти Ключевского, люди его профессии много натерпелись. Соответственно, изменились и критерии профессионализма, ставшего для лучших из них настоящей броней перед напором идеологии и политики, и потому заметно “окаменевшего”. Высшим достижением историка стало считаться приращение фактов, допустимой слабостью – робость мысли, методологической изошренностью – намеренная запутанность выводов. Ведь сколько-нибудь значимая рефлексия о прошлом могла существовать только как точный сколок советской идеологии, а любой обобщающий труд вполне обоснованно ассоциировался не столько с утраченной свободой лекционного курса, сколько с принудительно-коллективной работой, стирающей индивидуальность и за это даже прозванной “братской могилой”. Но оборотной стороной такой защитной реакции науки оказалась потеря к ней живого общественного внимания.

Неудивительно, что в подобном контексте Ключевский со своим “Курсом русской истории” оказался “живее всех живых”. Его лекции, афоризмы, дневниковые записи с яркими зарисовками, остроумными парадоксами и налетом сарказма можно рассматривать в одном ряду с не теряющими остроты образцами русской классической сатиры или такими произведениями XIX в., как кюстиновская “Россия в 1839 году” и дневник профессора А. Никитенко. Произведениями, подчас оказавшимися даже более убедительными не столько в качестве свидетельств о тогдашней российской действительности, сколько как прогноз на все следующее столетие. Читая отзывы Ключевского, например, о сотрудниках Петра, в руках которых после его смерти “очутились судьбы России”, нельзя отделаться от ощущения, что перед тобой встают легко узнаваемые современные образы: “Сотрудники реформы поневоле, эти люди не были в душе ее искренними приверженцами, не столько поддерживали ее, сколько сами за нее держались, потому что она давала им выгодное положение... Ближайшие к Петру люди были не деятели реформы, а его личные дворовые слуги... Никакого важного дела нельзя

было сделать, не дав им взятки... Дело Петра эти люди не имели ни сил, ни охоты ни продолжать, ни разрушить; они могли его только портить”.

Злобой дня дышит и данный Ключевским 105 лет назад (в дневниковой записи) комментарий к истории взаимоотношений власти и общества в нашей стране, начиная с эпохи Александра I. Уподобляя реформы политической провокации, историк пояснял, что правительство давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем ее первые проявления, а потом накрывало “простаков”. Отмечен был Василием Осиповичем и обратный эффект: “Оппозиция против правительства постепенно превратилась в заговор против общества”. А разве только об имперских поляках и только ли о поляках было им сказано так, что и сейчас звучит остро, а читать больно: “Мы присоединили Польшу, но не поляков, приобрели страну, но потеряли народ”.

Ключевский был наделен не только предощущением трагичного будущего, но и способностью перевоплощаться в давно ушедших исторических персонажей. Ф. Шалаяпин, которому довелось консультироваться с историком при работе над образом Бориса Годунова, свидетельствовал: «Говорил он... так удивительно ярко, что я видел людей, изображаемых им. Особенное впечатление произвели на меня диалоги между Шуйским и Борисом в исполнении Ключевского. Он так артистически передавал их, что, когда я слышал из его уст слова Шуйского, мне думалось: “Как жаль, что Василий Осипович не поэт и не может сыграть со мною князя Василия!”».

А. Липкин: Я не историк, а философ, поэтому выскажу лишь ряд общих методологических тезисов. Начну с того, что социокультурная структура и институты сегодня и последние 300 лет в России в основе те же самые. Отсюда актуальность анализа деятельности Петра. Но адекватность анализа зависит от того понятийного аппарата, тех понятийных инструментов, которые используются. Я считаю, что таких инструментов у Ключевского нет. Он дает материал интересный, смотреть его надо, но вынести что-нибудь полезное сегодня, исходя из методик, которую он предлагает, нельзя, поскольку это все неадекватно, недостаточно для того, чтобы схватить современную сложную ситуацию.

Что касается вопроса о том, как с помощью западноевропейского ума научиться жить своим умом, то ответ на него, по-моему, очевиден: надо осваивать интеллектуальные средства, которые предложены Западом. Но они тоже могут оказаться недостаточными. И потому, что российский материал другой, и потому, что в связи с новым витком глобализации все качественно усложнилось, и аппарата, наработанного Западом, не хватает для решения даже его собственных проблем.

Утратило ли современное российское общество способность к “самоисправлению”? Кто же это знает? В любом случае надо “сбивать сметану”.

Несколько слов о невежестве и ответственности за невежество, о чем говорил один из выступавших. Здесь первый вопрос: невежество кого? Где те “прогрессивные” субъекты, которых призывают учитывать взгляды экспертов? Таковых субъектов я не вижу, и это опять же связано с социокультурной структурой общества. Как показывает анализ многих явлений (например, развития науки и техники), Октябрь 1917 г. не был таким уж обрывом основной институциональной традиции “вертикали власти”. Но, повторяю, понять ее природу Ключевский нам не поможет.

И. Клямкин: Хотелось бы, конечно, побольше узнать о том, в чем именно заключается неадекватность инструментария Ключевского. Равно как и о том, какой инструментарий адекватен, но времени на это у нас сейчас нет.

А. Каменский: Я заранее прошу извинения за то, что я скажу: мои слова могут показаться чересчур резкими. Прежде всего хочу спросить: мы пытаемся найти ответы на поставленные вопросы, опираясь на научное знание или на исторические мифы? Если на основе исторических мифов, то понятно, каков будет результат. То, что мы слышим сегодня, относится преимущественно к историческим мифам. И один из них – миф о Ключевском как великом русском историке.

Когда мы говорим “великий математик” или “великий физик”, мы понимаем, что такая характеристика определяется достижениями в науке. Достижения Ключевского в науке – ряд написанных им монографий. А “Курс русской истории” – не научное исследование, а именно курс лекций. Здесь несколько раз говорилось: “Ключевский писал...”. Но он не писал, а читал лекции, которые за ним записывали. И то, что мы имеем, – отредактированная им реконструкция записей его лекций. Это популярные тексты, за которыми по большей части не стоят научные исследования. И те примеры, которые сегодня прозвучали, в значительной степени только подтверждают данный тезис.

Вот, скажем, Кара-Мурза в самом начале сформулировал нравственный урок, извлекаемый из Ключевского, и подтвердил его двумя историческими примерами из XIV и начала XVII в. Но интерпретация Ключевского полностью противоречит тому, что сегодня знают историки о событиях XIV в. и Смутного времени. Или вот была приведена цитата Ключевского о екатерининской Уложенной комиссии. Она свидетельствует о полнейшем непонимании Ключевским того, что в Уложенной комиссии происходило. Говорилось также о Петре и о дискуссии о Петре. Но давайте вспомним, что точка зрения Ключевского на Петра эволюционировала, она не была все время одинаковой, и немалое значение имело то, что Ключевский сыграл, мягко говоря, не очень красивую роль в судьбе П. Милокова. Ключевский заблокировал присуждение ему докторской степени за диссертацию, в которой предлагался абсолютно иной взгляд на Петра и Петровскую реформу. И те цитаты из позднего Ключевского, которые здесь прозвучали, свидетельствуют о том, что, сделав это, он, на самом деле, использовал материалы Милокова, Петровскую реформу переосмыслил. А Милокова, в свою очередь, опровергли в XX в. Есть исследования, в которых доказывается, что, вопреки Ключевскому, не было никакого уменьшения податного населения на 25%. Неправильно он считал и пользовался недостоверными источниками. А у нас Василий Осипович – икона!

Странно, что многие люди, пытающиеся осмысливать судьбы отечества и размышлять о его будущем, свои знания русской истории основывают исключительно на Ключевском. Если у него что-то написано, значит, так оно и было. Но после Ключевского прошло 100 лет. Написаны сотни научных исследований, которые почему-то никто не хочет читать. А я скажу почему. Потому что, в отличие от лекций Ключевского, они написаны сухим научным языком. А у Ключевского (те цитаты, что сегодня прозвучали, об этом свидетельствуют) очень яркий, очень образный язык, который легко запоминается. Я, к примеру, всегда своим студентам говорил: Ключевский написал, что при Анне Иоанновне немцы посыпались на Россию, как горох. Вы один раз это прочитали и сразу запомнили. И вся Россия это запомнила. А этого не было и опровергнуто уже современниками Ключевского (он, кстати, об этом знал).

Алексей Алексеевич говорил о философах XX в., которые своими представлениями о русской истории были обязаны Ключевскому. Я, честно говоря, не могу с этим согласиться. Полагаю, что люди, имена которых упомянул Алексей Алексеевич, были гораздо образованнее и читали не только Ключевского.

Я бы согласился с тем, что никто не превзошел Ключевского как популяризатора русской истории. Но когда мы всерьез думаем о судьбах отечества, давайте ориентироваться не на Ключевского, а на науку. И даже прозвучавшие нравственные уроки, как мне кажется, – не какие-то откровения, которые больше нигде нельзя прочитать и которые только у Ключевского и можно найти.

А. Глинчикова: Не могли бы вы назвать пару-тройку этих самых “других”, то есть настоящих историков, которых следует читать?

А. Каменский: Историография затронутых здесь сюжетов огромна. Был такой замечательный историк А. Зимин, писавший, в том числе, о XIV в. Из-под его пера вышло примерно полтора десятка монографий. Мы, скажем, вспоминаем, что Ключевский говорил о Сергии Радонежском. Но историки сегодня знают, что Дмитрий Донской не ездил получать благословление у Сергия Радонежского накануне Куликовской битвы. Это миф, который возник, по меньшей мере, через 150 лет после их

смерти. Понимаете? Вот о чем идет речь. Если же мы говорим о XVIII в., то я бы назвал Е. Анисимова. У него в 1982 г. вышла монография “Податная реформа Петра I”, в которой рассматриваются те же сюжеты, что и у Милюкова в монографии “Государственное хозяйство России”, и в значительной мере он Милюкова опровергает. Речь идет о сотнях работ, сотнях капитальных исследований.

О. Будницкий: Я бы хотел немного вступить за Ключевского. В основном я согласен с Александром Борисовичем: смешно сейчас считать, что Ключевский – последнее слово науки. Но он все же читал лекции на историко-филологическом факультете Московского университета. Да, они были открытые, но это не означало, что они предназначались для людей с улицы. Лекции читались для студентов-историков, и записывали их ученики Ключевского, а он их редактировал. Так что он отвечает за то, что там написано, и дело не только в стиле, но и в содержании.

Василий Осипович был человеком очень разносторонним, но отнюдь не столь благостным, каким выглядит в некоторых прозвучавших выступлениях. Когда Милюков защищал магистерскую диссертацию, а не докторскую, было предложено присвоить ему степень доктора. Ключевский восстал против этого и восстал неправильно, потому что “Государственное хозяйство” было трудом, который, бесспорно соответствовал докторской степени. Но он не смог преодолеть себя и позволить ученику сразу получить такое признание.

То, что я здесь услышал, любопытно. Но мне кажется, что в некоторых выступлениях Ключевский был использован как “гвоздь”, на который были “навешаны” рассуждения, либо не имеющие к Ключевскому никакого отношения, либо основанные на отдельных, вырванных из контекста фразах. Рассматривать сейчас работы Ключевского как некую основу для осмысления прошлого и будущего с точки зрения профессиональных историков просто нельзя. И здесь я совершенно согласен с Александром Борисовичем.

Другое дело – само отношение Ключевского к отечественной истории. Я хочу только на одну сторону обратить внимание. Ключевский чувствовал иронию истории, чего очень многим историкам и политическим деятелям не хватает. Я Ключевского читал давно и могу ошибиться, но я думаю, что он неспроста обратил внимание на замечание Екатерины II, которая, разбирая бумаги Петра, сказала, что для предотвращения беспорядка он был готов разрушить любой порядок. А как Василий Осипович относился к героическим мифам? Описывая поход русского флота, когда А. Орлов обещал Екатерине, что “скоро вы услышите о чудесах”, Ключевский иронизирует: “...и чудеса действительно начались: в Европе нашелся флот хуже русского”. По счастью, это был флот турецкий, с которым произошло сражение. Надо было быть Ключевским, чтобы так суметь подняться над отечественной историей и посмотреть на нее иронически.

Многим из нас этого не хватает. Мы чересчур впадаем в пафос и не всегда чувствуем некоторую иронию истории, а иногда наши рассуждения приобретают, наоборот, излишне катастрофичный характер. В жизни все лучше, чем нам иногда кажется. И вообще, когда мы пытаемся найти в истории смысл и пытаемся вывести закономерности, неплохо помнить о В. Шекспире: как говорилось в одном известном фильме (я перифразирую сказанное применительно к истории), история – это страшная сказка, рассказанная дураком; в ней мало смысла, но много шума и ярости. И это в значительной степени так и есть. XX столетие – наилучшее тому подтверждение: войны (особенно Первая мировая), самоубийство Европы, на ровном месте произошедшее. Но в то же время в истории, по счастью, есть и не только страшные и трагические, не только безумные страницы.

Работы Ключевского – душеспасительное чтение. Оно немного примиряет с прошлым и заставляет оптимистичнее думать о будущем. Надо только отдавать себе отчет в том, что сейчас Ключевский – скорее хорошая литература, чем история. И именно за это давайте его любить.

Е. Ясин: Выступления уважаемых историков, которые я здесь услышал, не изменили моего крайне почтительного, даже любовного отношения к Ключевскому. Мне показалось символичным, что Каменский, говоря об историках, которые Ключевского

“превзошли”, называл имена авторов, труды которых посвящены отдельным историческим периодам. Наверное, эти труды хороши, наверное, они лучше, чем у Ключевского, документированы, в них многое уточнено и детализировано. Но выполнена ли современными историками та работа, которую для своего времени выполнил Василий Осипович? Есть ли у нас целостное изложение российской истории, в котором прослеживались бы какие-то сквозные линии, фиксировалась историческая преемственность и историческая динамика? Такую работу, кстати, в свое время осуществлял не только Ключевский, но и другие. Однако вы их не упомянули в числе тех, кто соответствует современным научным критериям. Пусть так, но факт ведь и то, что таких курсов, как у Ключевского, сегодня нет.

Александр Борисович противопоставляет науку и популяризаторство. Но я бы не стал столь пренебрежительно относиться к популяризаторской миссии историка. Потому что она очень важна. В противном случае наше общество не научится мыслить исторически, не научится видеть в современности следы истории, не научится извлекать из нее уроки.

Мне, например, был бы интересен популярный курс истории, в котором прослеживается то, что происходило в России с различными институтами. На мой взгляд, именно в институтах проявляется у нас влияние прошлого – как правило, негативное. Оно, это прошлое, характеризуется тем, что в нем постоянно убивались любые попытки институционального контроля общества над государством. И сегодня люди должны знать, что ничего хорошего из этого, в конечном счете, не получалось. Они должны выучить этот урок, но наши историки им его, к сожалению, не преподают, тех же, кто такую работу пытаются делать, от своей науки отлучают, отводя им вторичную роль популяризаторов.

Я хочу предложить уважаемым господам историкам написать такую историю России, которая была бы так же увлекательна для чтения, как курс Ключевского, и не имела тех недостатков, о которых говорил Александр Борисович. Пока ничего похожего они не написали. Да, это делают другие: мне нравится, скажем, книга А. Ахиезера, И. Клямкина и И. Яковенко “История России: конец или новое начало?” Однако они не историки. Историки же такую работу игнорируют, но и сами ничего похожего не предпринимают. И мне остается лишь пожелать им, чтобы они, чувствуя себя впереди Ключевского в смысле научности, не отбрасывали ту традицию исторического просвещения, которая в значительной степени связана именно с его наследием.

А. Кара-Мурза: Это хорошо, что Ключевского обсуждают не только историки, но и представители различных специальностей. И для них, разумеется, совершенно очевидно, что та конкретная история по Ключевскому, как она понимается “чистыми” историками, не могла не устареть. Такая “история” всегда устареваает при открытии новых источников и появлении новых текстов. Поэтому Зимин или Анисимов лучше узнали историю тех или иных периодов, чем знал ее Ключевский. Но дело в том, что, в отличие от “чистых” историков, которые отвечают на вопрос: “как это было?”, Ключевский был еще историософом, и этим он близок тем людям, которые занимаются философией истории и философией культуры. А философия истории отвечает на другие вопросы. Как и почему то или иное в России возможно? В чем смысл русской истории?

У меня лично нет сомнений в том, что это различие было вполне ясно всем талантливим ученикам и последователям Ключевского. Например, тому же Милюкову, который, вопреки прозвучавшему здесь утверждению, вовсе не стал “жертвой Ключевского”, якобы из ревности “зарубившего” его докторскую диссертацию. Милюков, как справедливо заметил Будницкий, защищал не докторскую, а магистерскую диссертацию, и хотя ряд членов Совета предлагали присудить ему сразу степень доктора, но большинство (включая Ключевского) посчитали это “непедагогичным” в отношении молодого исследователя. И вообще, рассуждать о Ключевском как “злом гении” Милюкова – крайне неисторично. Достаточно напомнить, что Василий Осипович, пользуясь своими связями, два раза буквально вытаскивал своего ученика, ушедшего в политику, из тюрьмы, много помогал молодой семье, так как жена Милюкова была

любимой ученицей Ключевского и дочерью его друга. И сам Милюков после смерти Ключевского ответил ему глубочайшей благодарностью: прочитайте его обширный некролог на смерть учителя. Это самая лучшая и самая теплая мемуарная литература о Ключевском.

Напомню также, что Г. Федотов, профессиональный историк, хотя и был выходцем из санкт-петербургской исторической школы И. Гревса, всегда считал себя еще и учеником москвича Ключевского, в первую очередь в историософском плане. Федотов отлично понимал, что с точки зрения осмысления вновь открытых фактов, сам он в своих “Святых Древней Руси” ушел намного дальше старых работ Ключевского по этой же теме. Однако фразы “Ключевский устарел”, “Ключевский – это миф” прозвучали бы для Федотова кощунственно.

И последнее – о том, что могло бы нас объединить в “теме Ключевского”. В Москве нет ни одной мемориальной доски в память о Василии Осиповиче, который прожил в Москве полвека. Действительно, так сложилось, что много домов, особенно в Замоскворечье, где жил Ключевский, разрушены. Но два мемориальных места есть. Это знаменитая студенческая “общага” в Козицком переулке, где Ключевский прожил несколько месяцев, приехав из Пензы, и хорошо сохранившийся дом на Малой Полянке, где Ключевский прожил двенадцать лет и где, кстати, будущий лидер русских либералов Милюков и познакомился со своей будущей женой. Скажу, что возглавляемый мной Фонд “Русское либеральное наследие” собирается установить на одном из этих домов мемориальную доску, и я уверен, что Фонд “Либеральная миссия” станет нам в этом благородном деле хорошим партнером.

О. Жукова: Ограничусь репликой в адрес уважаемых историков. Я думаю, фигура Ключевского такова, что разные позиции и оценки его вклада в русскую историографию неизбежны. Но, разумеется, мы как основные докладчики совершенно не стремились представить Ключевского человеком, который когда-то сказал последнее слово в науке. Это наивное обвинение, и принять его невозможно. Мы попытались показать Ключевского как человека, поставившего проблему понимания истории и предложившего свой осмысленный нарратив.

Большое спасибо, Евгений Григорьевич, за то, что вы оценили работу Василия Осиповича в этом отношении. Нарратив Ключевского оказался ответственным словом историка, обращенным к будущему, и не случайно здесь возникло имя Шекспира. Шекспир в своих хрониках “вышивал” по канве времени. Вероятно, Ключевский тоже “вышивал”, но он предложил продуктивный ход, акцентируя вопрос о соотношении мысли и действительности. И это остается центральной проблемой нашего понимания истории и сегодня.

А. Глинчикова: Уважаемые коллеги, я хочу только сказать, что в ходе этой дискуссии мы столкнулись с очень важной проблемой – проблемой, которая стоит сегодня и перед историками, и перед философами, и перед филологами. Мы часто мешаем друг другу вместо того, чтобы сотрудничать. Мы заражены высокомерием, не слушаем друг друга. А вырваться из тех стереотипов, в которых мы сегодня живем, можно в том случае, если мы откроемся друг другу и не будем лишать философов права анализировать русскую историю, лишать историков права вторгаться в сферу философии. Но это возможно, только если мы будем взаимодействовать.

И. Клямкин: Я понимаю наших профессиональных историков: их наука со времен Ключевского ушла далеко вперед. Но Ключевский был не просто историком, его курс лекций стал общекультурным явлением, оказавшим на общество и его историческое сознание огромное влияние. И в этом качестве он интересен и сегодня, в этом качестве, осмелюсь утверждать, его никому еще превзойти не удалось.

Да, есть прекрасные работы советских и постсоветских историков – и тех, что были названы Александром Борисовичем, и еще многих других, которые упомянуты не были, том числе работы самого Александра Борисовича. Но чего мне лично в них не хватает? Концептуальности, касающейся отечественной истории в целом, ее своеобразия; постановки вопроса о том, почему она в тот или иной период развивалась так, а не иначе, и как этот период связан с периодами предыдущими и последующими. А

Ключевского, как справедливо заметил Евгений Григорьевич, интересует российская история в целом. Его курс лекций, да и другие его труды – это не только ее описание, но и последовательные попытки ее концептуального осмысления, ее понимания как особого феномена. А выходит ли он при этом за границы “чистой” истории в область историософии или остается в этих границах, не так уж и важно.

Вот почему я не могу согласиться с характеристикой Ключевского только как популяризатора. Чтобы популяризовать, надо иметь то, что популяризировать. Можно популяризовать чужое понимание, а можно – собственное. Ключевский, как правило, популяризирует свое, а не чужое. И это свое проявляется прежде всего в многочисленных аналитических отступлениях от излагаемого фактического материала и представляет до сих пор интерес. Василий Осипович, не знавший ни советского, ни постсоветского периода, ставит и пытается ответить на те же вопросы, которые волнуют нас сегодня. Вопросы о специфических особенностях российской истории.

Мы, скажем, все еще не можем уйти от старого спора о том, является ли Россия Европой или нет, мы все еще в этом споре следуем старым славянофильско-почвенническим либо западническим схемам. А ведь Ключевский уже понимал ограниченность, неадекватность тех и других. Россия в его глазах – не Европа. И даже не отставшая Европа, как полагало большинство западников. Но ее самобытность он не склонен толковать и в славянофильско-почвенническом духе. Он пытается постичь ее своеобразие иначе, и этот его поиск, по-моему, актуален и сегодня. Вспомним его замечание в диссертации об истории Боярской думы о том, что уже в Киевской Руси наблюдалась некоторая искусственность развития: в пору, когда она жила на черноземной почве, она торговала пушнинами, а переместившись в леса и болота, стала выращивать хлеб.

Вспомним его утверждение о том, что Россия не знала европейского феодализма и феодализма вообще, а потому и с правом дело обстояло в ней иначе, чем в Европе. Вспомним его констатации относительно того, что в Московии местное самоуправление, в отличие от самоуправления европейского, было инструментом центральной власти, а Земские соборы, в отличие от европейских парламентов, призваны были не ограничивать единоличную власть, а укреплять ее.

Но если Россия – не Европа, то что она такое? У Ключевского есть подступы к ответу и на этот вопрос. Я имею в виду его характеристику послемонгольской Московии как служилого государства с “боевым строем”, как “служашей земли”, устроенной по принципу “военного лагеря”, как социума, состоящего из “командиров, солдат и работников”, командиров и солдат обслуживающих. Речь идет, говоря иначе, о милитаризованном государстве и милитаризованном социуме, не только в военное, но и в мирное время управляемом по модели управления армией, что, кстати, не могло не сказаться и на его духовно-нравственной природе. И этот концептуальный ракурс Ключевского до сих пор, по-моему, недооценен. Ракурс, который позволяет нам говорить о значении Василия Осиповича и для понимания отечественной истории XX в., принципы “служилого государства” реанимировавшего. Что касается понимания Ключевским логики послепетровской трансформации этого типа государства, то здесь он, на мой взгляд, не столь пронизателен. Однако нашим профессиональным историкам, насколько могу судить, его концептуальный подход не интересен вообще, как не интересна, по-моему, многим из них и сама концептуальность.

Алла Григорьевна призывала историков к более тесному содержательному сотрудничеству с представителями других областей общественности. Думаю, это было бы полезно для всех. В частности, для развития такого направления, как историческая социология, в которой мы явно отстаем. Есть работы Б. Миронова, но больше мне лично ничего не попадалось. А ведь именно “устаревшего” Ключевского можно считать основателем исторической социологии в России. Так что призыв к взаимодействию историков и неисториков я, повторяю, поддерживаю. Но, зная ситуацию в нашей гуманитарной науке, не уверен, что такой призыв найдет отклик.